

Надежда Никитенко

КРЕЩЕНИЕ РУСИ В СВЕТЕ ДАННЫХ СОФИИ КИЕВСКОЙ

Нет в истории христианского народа события более важного, чем его крещение, определяющего духовный путь для всех его последующих поколений. Русь-Украина сделала свой выбор в пользу византийского православия в конце X в., при великом киевском князе Владимире Святославиче (980–1015). Но, хотя это эпохальное событие мировой истории привлекало к себе умы огромного количества исследователей, как отечественных, так и зарубежных, оно все так же, как и 125 лет назад, когда отмечалось 900-летие крещения Руси, отмечено “печатью тайны”¹.

Такая ситуация обусловлена состоянием источников, круг которых, казалось бы, давно очерчен, а содержание преисполнено смысловых лакун, противоречий и неопределенностей. О кардинальных моментах этого события – месте, времени и обстоятельствах личного обращения Владимира, крещении им киевлян, установлении Киевской иерархии – мы имеем, по выражению М. Грушевского, “только общие, смутные упоминания”, или же неопределенные, противоречивые данные, что не способствует решению основных задач². Таким образом, актуальным остается расширение круга источников, а также поиск новых методов их исследования. Особенно это касается нетрадиционных для исследования данной проблемы источников, к которым ранее не обращались историки.

Речь идет, прежде всего, о настенной живописи древней “митрополии русской” – Софии Киевской, знаменитые мозаики и фрески которой являются не только выдающимся художественным феноменом, но и древнейшим подлинным историческим источником, рожденным эпохой христианизации Руси. Исследованиями последних лет, в частности, выявлением целого цикла датированных граффити, оставленных на фресках собора в 1018/21, 1019, 1022, 1023 гг. и др., установлено, что собор был возведен уже во втором десятилетии XI в.³ Осуществленное нами исследование

¹ См.: *Успенский Ф.И.* Русь и Византия в X веке. Речь, произнесенная 11 мая 1888 г. в торжественном собрании Одесского славянского благотворительного общества в память 900-летнего юбилея крещения Руси. Одесса, 1888, с. 35.

² См.: *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. 1: До початку XI віку. К., 1991, с. 495–529.

³ См.: *Никитенко Н., Корниенко В.* Древнейшие граффити Софии Киевской и время ее создания. К., 2012.

мозаик и фресок Святой Софии показало, что они проникнуты остроактуальной исторической проблематикой, подчиненной теме крещения Руси, идейным стержнем которой является прославление ее христианизаторов – княжеской четы Владимира и Анны. Эта идея прослеживается во всех звеньях декоративной системы – в мозаиках, в больших фресковых циклах, в единоличных изображениях святых⁴. Фактически мы располагаем колоссальным источником второго десятилетия XI в., дающим возможность повальному посмотреть на судьбоносное событие крещения Руси.

Весьма информативными в этом отношении являются светские фрески двух лестничных башен собора, по которым в древности поднималась на хоры княжеская семья со своей свитой. Такое функциональное назначение башен обусловило дворцовую тематику росписи их помещений. Здесь изображены конские бега на константинопольском ипподроме, церемонии византийского двора, охотничьи и театрализованные сцены. Эти уникальные фрески составляют большой светский (мирской) цикл, не имеющий прямых аналогов во всем византийском культурном ареале. О подобных циклах известно лишь из древних описаний давно погибших императорских дворцов Константинополя. Поэтому реконструкция общего содержания башенных фресок затруднена как вследствие их повреждений, так и из-за отсутствия достаточных аналогий⁵.

Наиболее компетентное объяснение фрескам башен Софии дали известные византилисты – историки искусства Н. Кондаков⁶, Д. Айналов

⁴ См.: *Никитенко Н.Н.* Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской: Историческая проблематика. К., 1999; *Никитенко Н.Н.* Образы княжеской четы крестителей Руси в стенописи Софии Киевской: к проблеме канонизации Владимира // *Науковий збірник, присвячений 1020-літтю Хрещення Київської Русі-України. Матеріали науково-практичної конференції “1020-ліття Хрещення Русі-України – із Києва по всій Русі”* (Київ, 21 жовтня 2008 р.). К., 2008, с. 270–280. Исследователи принимают наш вывод о выдающемся месте Анны “в деле христианского строительства, создания первого храма в Киеве, разработке фресковых композиций св. Софии”. См.: *Бибиков М.В.* Византийские источники // *Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой.* М., 2001, с. 110. Немаловажно и то, что в однофигурных фресках прослеживается также прославление Бориса и Глеба как сыновей Владимира и Анны.

⁵ Исключением в какой-то степени могут являться лишь выполненные византийскими мастерами мозаики “комнаты Рожера II” во дворце нормандских королей в Палермо (1131–1143), имеющие символический характер. В находящейся рядом “башне Пизанцев” уцелели фрагменты исторического описательного цикла. Интересно, что светский цикл в Палермо, как и киевский, возник в результате династического брака местного правителя с византийской принцессой, что позволяет говорить о существовании такой традиции. См.: *Никитенко Н.Н.* Русь и Византия..., с. 120–121.

⁶ *Кондаков Н.П.* О фресках лестниц Киево-Софийского собора // *ЗРАО*, 1888, т. 3, вып. 3 и 4, с. 287–306.

и Е. Редин⁷, А. Грабар⁸. Рассмотрев фрески на широком историко-культурном фоне, они доказали, что их сюжеты иллюстрируют придворную жизнь Византии во время рождественских праздников, на Святки, причем ключевой здесь является сцена константинопольского ипподрома. В Византии Святки составляли 12-дневный цикл, продолжаясь с 25 декабря до 6 января, т.е. от Рождества Христова до Богоявления (Крещения). Эти исследователи не усматривали в башенных фресках киевских мотивов, полагая, что они имеют лишь косвенную связь с жизнью Руси.

Но со временем Д. Айналов засомневался в корректности такого подхода к киевскому циклу, предположив, что на одной из фресок южной башни изображен прием княгини Ольги в 957 г. византийским императором Константином VII Багрянородным. Весьма осторожное предположение Айналова строилось на чисто внешнем сходстве фрески с миниатюрой Мадридской рукописи Иоанна Скилицы запечатлевшей это событие⁹. Здесь сказалось то, что княгиня Ольга была любимой героиней исследований Айналова, особенно интересовавшегося темой ее путешествия в Царьград, поскольку прием княгини императором – это “роскошная картина русско-византийских культурных сношений в X веке”. Айналов особо отмечал: “Это мой переход к русским древностям”¹⁰.

Предположение Айналова было опровергнуто дальнейшим исследованием фрески, показавшим, что на самом деле здесь изображен не прием Ольги, а дворец ипподрома (Кафисма); выяснилось, что эта фреска завершает собой большую многоплановую композицию “Ипподром”, простирающуюся на 14 м снизу вверх на стене южной башни¹¹.

Несмотря на то, что мысль Айналова не подтвердилась, ее подхватил и развил С. Высоцкий¹², связавший с приемом Ольги главные композиции

⁷ Айналов Д., Редин Е. Киево-Софийский собор: Исследование древней мозаической и фресковой живописи. СПб., 1889, с. 102–133.

⁸ Грабар А.Н. Светское изобразительное искусство домонгольской Руси и “Слово о полку Игореве” // ТОДРЛ, 1962, т. 18, с. 233–271.

⁹ Айналов Д.В. История древнерусского искусства: Киев-Царьград-Херсонес // Известия Таврической ученой архивной комиссии, 1920, № 57, с. 201–202.

¹⁰ См.: Анфертвева А.Н. Д.В. Айналов: жизнь, творчество, архив // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995, с. 271–272, 298; Ульяновский В. Украинские сюжеты в жизни и творчестве Дмитрия Власевича Айналова // Софія Київська: Візантія. Русь. Україна. Вип. II: збірка наукових праць, присвячена 150-літтю з дня народження Дмитра Власовича Айналова (1862–1939 рр.). К., 2012, с. 27–28.

¹¹ Радченко А.Д. К вопросу об изображении ипподрома в юго-западной башне Софии Киевской // София Киевская: Материалы исследований. К., 1973, с. 35–37.

¹² Высоцкий С.А. Живопись башен Софийского собора в Киеве // Новое в археологии Киева. К., 1981, с. 234–264; Высоцкий С.А. Светские фрески Софийского собора в Киеве. К., 1989, с. 113–204.

обеих башен. Но концепцию Высоцкого, получившую популярность в 80-х гг. XX в., невозможно принять, поскольку она никак не согласуется с содержанием фресок, где четко определены место, время и действующие лица иллюстрируемых событий. Точка зрения Высоцкого, подходящего к фрескам с мерками современного человека, недопустимо модернизирует древнюю стенопись, поскольку противоречит средневековой ментальности, нормам и обычаям придворной жизни, наконец, иконографическим канонам того времени¹³.

Приведем главные аргументы, ставящие под сомнение научность бытующей до сих пор в литературе гипотезы Высоцкого относительно мнимого изображения на фресках башен визита княгини Ольги в Царьград.

С древнейших времен у всех народов светские монументальные изобразительные циклы прославляли и сакрализовали своих заказчиков, иллюстрируя их реальные выдающиеся деяния. Этой традиции были подчинены и триумфальные императорские циклы Византии, к которым примыкает стенопись башен Софии Киевской¹⁴. Обращение к временам Ольги нарушило бы эту универсальную традицию, ибо не служило бы прославлению личных деяний заказчика росписи.

Невозможно видеть княгиню Ольгу в двух главных фресковых композициях башен – “Ипподром” (южная башня) и “Церемония у византийского императора” (северная башня). Дело в том, что на ипподром – форум византийцев женщины вообще не допускались, даже императрица наблюдала за событиями на его арене через зарешеченные окна церкви Св. Стефана дворца Дафны, выходящие на ипподром¹⁵. Из-за ошибочного восприятия Высоцким сановного евнуха-телохранителя, стоящего возле императора в царской ложе, в качестве княгини Ольги, его интерпретация этой фрески, кочующая по многим изданиям, приобрела курьезную окраску: киевскую княгиню низведено к рангу придворного евнуха.

Совсем иначе изображена так называемая “Ольга” в северной башне, где Высоцкий необоснованно “наделил” ее царским саном. На самом деле, стемма (императорская корона) и пурпурная мантия на женской особе – героини церемониальной сцены северной башни – не позволяют персонифицировать ее как княгиню Ольгу. Царские инсигнии рассматривались

¹³ Критику см.: *Никитенко Н.Н.* Русь и Византия..., с. 82–83, 85–87, 92–93, 98–99 и др.

¹⁴ Ср.: *Grabar A.* L'empereur dans l'art byzantine. Paris, 1936.

¹⁵ *Скабаланович Н.* О нравах византийского общества в средние века (Речь, произнесенная на годовичном акте Санкт-Петербургской духовной академии 17 февраля 1886 года). СПб., 1886, с. 13; *Ласкин Г.* Георгий Котин о древностях Константинополя: Словарь древностей Константинополя. К., 1905, с. 72–73.

в Византии как символ власти божественного происхождения и вместе с царским титулом даровались при священной церемонии венчания на царство. Ольга же, как известно, царским титулом не обладала, поэтому не только ее появление в императорском дворце, но даже изображение в главном храме Киевской Руси, входившей в иерархию Византийского содружества, в царском убранстве воспринималось бы как неслыханная дерзость, как пренебрежение властью и особой василевса и даже как покушение на его трон. О принципиальной невозможности подобных изображений говорит А. Грабар в своей статье о фресках башен Софии Киевской¹⁶.

Иллюстрированные фресками башен “готские игры” и коляды имели место в освященной древними традициями византийской дворцовой обрядности лишь на Святки, когда происходит солнцеворот и зима “встречается” с летом, но никак не на официальный византийский Новый год (1 сентября), как в отличие от всех других исследователей полагает Высоцкий. Это однозначно датирует изображенные на фресках события концом декабря – началом января месяца, тогда как Ольга была принята императором Константином VII 9 сентября и 18 октября, что точно засвидетельствовано Книгой церемоний¹⁷.

Изучение фресок привело нас к выводу, что они объединены в триумфальный великокняжеский цикл, зафиксировавший заключение русско-византийского династического союза, который положил начало крещению Руси (рубеж 987–988 гг.). Роспись южной башни атрибутирована нами как “Послы Владимира на приеме у императора Василия II”, северной – “Коронация Анны”.

Предложенная атрибуция основывается на том, что фрески воспроизводят обстановку и церемониал царской помолвки – последняя обязательно сопровождалась в Византии коронацией новой царицы. Фрески зафиксировали кульминационные моменты этих событий – всенародное чествование послов Владимира на ипподроме и святочный прием их во дворце (в южной башне, ведущей на правую, “мужскую” половину княжеских хор); публичное провозглашение царицей невесты киевского князя принцессы Анны участниками торжественного парада на Трибунале ареи – дворцовой площади с трибуной (в северной башне, по которой поднималась на левую, “женскую” половину хор княгиня)¹⁸.

¹⁶ *Грабар А.* Избранные сочинения. София, 1982, т. 1, с. 84–86.

¹⁷ Приемы киевской княгини Ольги в Константинополе императором Константином VII Багрянородным // *Литавин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб, 2000, с. 360, 364.

¹⁸ *Никитенко Н.Н.* О содержании фресковой росписи лестничных башен Софии Киевской //

Архитектура и декор башен создают тот фон, который называют “контекстом церемониального пространства”, возносящий княжескую чету на священный уровень и обеспечивающий перманентное обновление репрезентативных впечатлений, которые призваны сохранять эту идею путем литургизации каждого восхождения на хоры¹⁹.

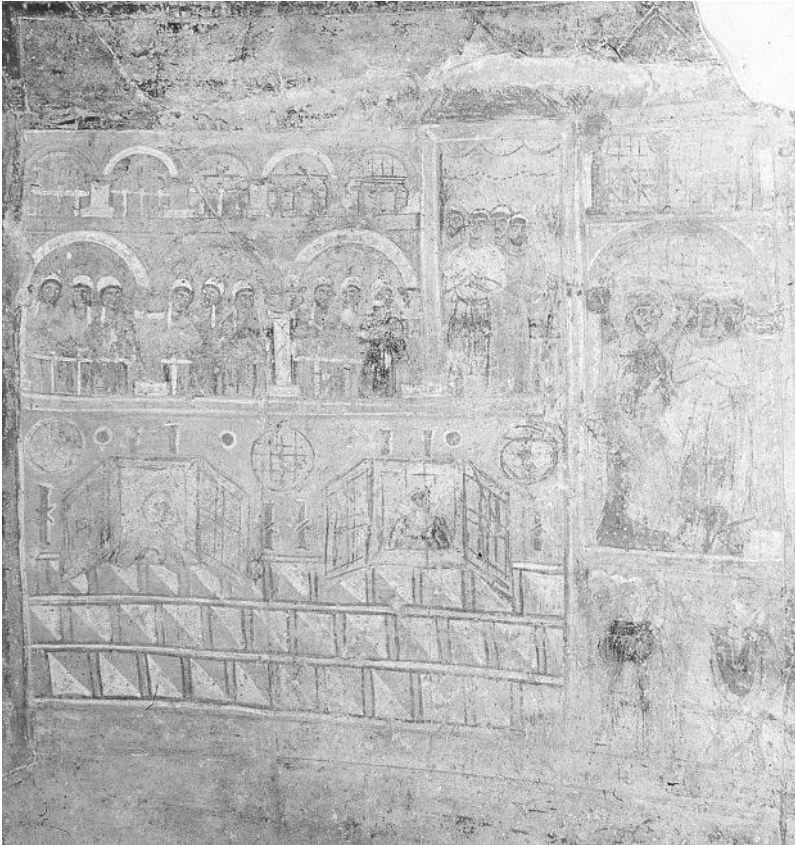

Рис.1. Дворец ипподрома. Фреска южной башни “Ипподром”, деталь

Памятники культуры. Новые открытия. М., 1997, с. 117–125; *Никитенко Н.Н.* Русь и Византия..., с. 65–122; *Никитенко Н.* Свята Софія Київська: історія в мистецтві. К., 2003, с. 36–117 и др. работы этого автора.

¹⁹ Ср.: *Поляковская М.А.* Византийский дворцовый церемониал XIV в.: “театр власти”. Екатеринбург, 2011, с. 35, 56; *Никитенко Н.* Фрески “Ритуальное убийство медведицы” и “Тотские игры” в северной башне Софии Киевской: новое осмысление сюжетов // *Софія Київська: Візантія. Русь. Україна. Вип. II: збірка наукових праць, присвячена 150-літтю з дня народження Дмитра Власовича Айналлова (1862–1939 рр.)*. К., 2012, с. 303, 325.

Рис. 2. Императорская ложа.
Фреска южной башни “Ипподром”,
деталь

главную, завершающую сцену – финиш колесницы возле дворца ипподрома (Кафисмы). Именно эта, кульминационная сцена, сохранившаяся лучше других фресок, наиболее интересна в историческом смысле.

Здесь, в отдельных ложах Кафисмы, видим византийского императора и приближенную к нему знать (рис. 1–2). Весьма выразительный образ императора имеет ярко выраженный армянский тип и выявляет большую схожесть с Василием II (976–1025) – наиболее выдающимся представителем Македонской (Армянской) династии. Именно он был родным братом принцессы Анны, жены крестителя Руси Владимира Святославича, таким образом, его свояком. Такую схожесть помогла установить византийская миниатюра из Псалтыри 1019 г. (рис. 3), на которой изображен Василий II – победитель болгар (хранится в библиотеке Сан Марко в Венеции)²⁰. Хотя в Софии Киевской этот император изображен 30-летним, а на миниатюре – 60-летним, сходство обоих его портретированных изображений вполне очевидно (рис. 4).

²⁰ Герцберг Ф. История Византии / Пер., примеч. и прилож. П.В. Безобразова. М., 1897, с. 176–177.

Рис. 3. Василий II – победитель болгар. Византийская миниатюра 1019 г.

Рис. 4. Василий II на фреске и миниатюре

Изображение Василия II в Софийском соборе вполне объяснимо: во-первых, собор возник во времена правления этого императора, во-вторых, и это главное, при нем были установлены тесные родственные связи между правящими дворами Византии и Руси, ведь сестра императора была отдана за киевского князя. Этот экстраординарный династический брак имел исключительное значение для истории Руси, поскольку знаменовал собой ее триумфальное вхождение в христианский мир.

Заключению брака предшествовал ряд сложных политических коллизий. Благодаря свидетельству арабского историка Яхьи Антиохийского, знаем, что вследствие мятежа могущественного феодального вождя Варды Фоки (главнокомандующего византийской армией) почти все военные силы сражались на его стороне, и правящая семья оказалась на краю гибели. Осенью 987 г., когда мятежники остановились напротив Константинополя, на противоположном берегу Босфора, Василий II обратился за помощью к Владимиру. Переговоры завершились заключением “договора о свойстве”, т.е. брачным соглашением. Его главным условием была женитьба Владимира на Анне после согласия князя обратить себя и свой народ в христианскую веру, а также послать на помощь Василию военный корпус. Русский корпус принял активное участие в двух решающих битвах под Хрисополем и Авидосом, где мятежники были разгромлены, а сам Фока погиб²¹.

Древнерусские источники не сообщают об упомянутых событиях, но под тем же 987 г. приводят сказание о выборе вер послами Владимира в разных странах, в котором особое место уделено рассказу о пребывании послов в Царьграде. “Повесть временных лет” говорит о большой чести, оказанной послам Владимира императорами Василием II и Константином VIII – братьями Анны, а также описывает присутствие русских послов на праздничной службе в Софии Константинопольской²². Житие Владимира дополняет летописный рассказ известием о продолжительности их визита: “И ту пребыша 8 днии”²³.

Исследователи по-разному относятся к реальности летописного предания о выборе вер, но как бы там ни было, визит посольства Владимира в Константинополь накануне крещения Руси представляется несомненным фактом, ведь это подтверждено не только всем ходом событий,

²¹ Розен В.Р. Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883, с. 23–24.

²² ПСРЛ. Т.1: Лаврентьевская летопись. М., 1997, стлб. 107.

²³ Сборник в память 900-летия крещения Руси / Под ред. А.И. Соболевского. К., 1888, с. 24.

но и авторитетным свидетельством Яхьи о русско-византийских переговорах в этот период. Именно к этим событиям, по нашему убеждению, и относится светский фресковый цикл башен Софии Киевской, зафиксировавший наиболее торжественный прием послов Владимира на ипподроме – византийском форуме, где жители Константинополя символизировали население всей империи, отдавшее посольству князя, т.е. ему самому, всенародные почести.

В императорской ложе, кроме восседающего на троне Василия II, изображены еще два персонажа. Сбоку и чуть сзади трона стоит византийский сановник, церемониальная поза которого выявляет полную покорность василевсу. Его руки спрятаны длинными свисающими рукавами и сложены на груди – этот древний обычай донесла до нас поговорка “стоять спустя рукава”. Отсутствие растительности на одутловатом лице сановника и золотой маниак-оплечье его хитона свидетельствуют о том, что здесь изображен один из наиболее знатных царедворцев-евнухов, составлявших ближайшее окружение императора во всех торжественных случаях. Непосредственно возле самого императора стояли архонты кувуклия²⁴.

Иначе охарактеризован мужской персонаж, стоящий в углу ложи. Как и василевс, он слегка наклонился вперед, взгляды обоих персонажей обращены друг на друга, лица выявляют живой интерес общения. Вероятно, высокой чести находиться рядом с “божественным” василевсом был удостоен глава русского посольства, который согласно древнему посольскому обычаю был фактотумом (двойником) князя, и действовал непосредственно от его имени, обращаясь ко всем от первого лица²⁵.

Рядом с императорской ложей находится посольская (рис. 5), где стоят русские послы. На переднем плане – византийский сановник, образ которого аналогичен по своей иконографии придворному евнуху в ложе императора. В соответствии с этикетом, сановник стоит впереди послов, поскольку надменные византийцы (ромей) ставили себя выше иностранцев, вводившихся на приемах последними. Сколь бы знатными они ни были, им всегда доводилось стоять позади византийцев.

В арках Кафисмы – сановники византийского двора, одна половина которых – так называемые “бородатые”, вторая, судя по их безусым

²⁴ См.: *Скабаланович Н.* Византийское государство и церковь в XI веке. СПб., 1884, с. 156–170; *Беляев Д.Ф.* Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм св. Софии в IX–X вв. // ЗИРАО, 1892, т. 6, вып. 1 и 2 (новая серия), с. 62.

²⁵ См.: *Лихачев Д.С.* Русский посольский обычай XI–XIII вв. // Исторические записки, 1946, т. 18, с. 45.

Рис. 5. Посольская ложа. Фреска южной башни "Ипподром", деталь

и безбородым лицам, – евнухи (Высоцкий принял их за женщин из посольства Ольги). Как известно, евнухи были весьма уважаемыми членами общества и занимали высшие должности при дворе, поскольку, не имея семьи, усердно служили императору и не могли претендовать на трон. По словам недолюбливавшего евнухов Константина Багрянородного, их было при дворе как весною мух в овечьем загоне²⁶.

Фреска иллюстрирует прием брачного посольства, поэтому на послых Владимира – красные хитоны, бывшие атрибутом средневековой брачной обрядности, в том числе и византийской²⁷. Кроме того, красный цвет определяет их как контра-

гента в переговорах, ибо Красные (гр. "Русии", что созвучно слову "русы", т.е. для греков – "рыжие, светловолосые") были партией ипподрома, состязавшейся с Голубыми (Венетами), к которой принадлежали императоры Македонской династии. Так, очевидно, придали наглядность неординарным обстоятельствам данного исторического момента, что было вообще присуще изощренной византийской дипломатии.

Не случайно и то, что послов четверо – один из них стоит рядом с императором, трое – в посольской ложе. Это тоже характерный признак брачного посольства, которое по меркам того времени олицетворяет князя и его дружину, т.е. "всю Русь". Интересно, что украинская брачная

²⁶ См.: История Византии: в 3-х т. / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1967, т. 2, с. 167.

²⁷ Сумцов Н.Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881, с. 70; Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984, с. 32; Брайчевская Е.А. Летописные данные о древнерусском мужском костюме X–XIII вв. // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. К., 1985, с. 119; Зайковская Т.В. Византийские элементы в свадьбе понтийских греков // Резюме сообщений XVIII Международного конгресса византинистов в Москве 8–15 августа 1991 г. М., 1991, т. 2, с. 1263–1264.

обрядність до наших днів сохранила поняття о главных лицах княжеского брачного посольства: жених – это “князь”, всюду сопровождаемый “дружиной”, в которой главными чинами состоят “тысяцкий”, “старший боярин” и “младший боярин”²⁸. Но в X веке эти лица были не просто свадебными “чинами”, а на самом деле представляли Русь в подобной ситуации. Таким образом, видим рядом с василевсом князя (точнее – его фактотума), а в посольской ложе – тысяцкого, за которым стоят старший и младший бояре, т.е. представители старшей и младшей дружины²⁹.

В целом, церемония манифестирует идею: священная Ромейская империя (олицетворенная императором и его подданными на ипподроме) принимает в свое лоно Русь (представляемую князем и дружиной), а свояк Василия II – князь Владимир становится в иерархии правителей “семьи народов” “братом” божественного императора (согласно парародственным дипломатическим нормам тех времен)³⁰.

Здесь можно вспомнить свидетельство “Анонима Бандури” – византийского сказания середины XV в. о крещении Руси, получившего в науке свое условное название по имени его издателя (A. Banduri). Эта компиляция состоит из трех рассказов: о первом крещении русов патриархом Фотием, о крещении Руси при Владимире, наконец, об изобретении славянской азбуки. Согласно “Анониму”, князь Владимир выбирает греческую веру после получения им информации о главных мировых религиях. Таким образом, летописный рассказ о выборе вер находит свой византийский аналог или, скорее всего, свой источник³¹. Поэтому нужно внимательно отнестись к данным “Анонима”.

Хотя автор “Анонима” путает времена и события, в его распоряжении были какие-то фактические данные, извлеченные им из несохранившихся источников. В частности, в рассказе о Владимиром крещении неизвестным автором приводятся такие факты: 1. Русских послов было четверо. 2. Они добрались в Константинополь с огромными трудностями.

²⁸ *Здоровега Н.І.* Нариси народної весільної обрядовості на Україні. К., 1974, с. 12, 34–35.

²⁹ Здесь нужно вспомнить, что в житии святого Владимира упоминаются его воеводы Олег и Ждѣберн, которых князь послал в Царьград просить за себя греческую царевну. Можно думать, что именно эти персонажи, которых некоторые исследователи считают историчными, фигурируют в росписи башен. См.: *Никитенко Н.Н.* Русь и Византия..., с. 90–91.

³⁰ Ритуал подобных приемов был строго дифференцирован в зависимости от ранга гостя, последовательность “мизансцен” досконально расписывалась и режиссировалась, что прекрасно иллюстрирует “Книга церемоний” Константина Багрянородного. См.: *Бибиков М.В.* Указ. соч., с. 117.

³¹ См.: *Бибиков М.В.* Указ. соч., с. 108.

3. Император оказал им высокую честь. 4. Они посетили храм Святой Софии в большой праздник³².

Важно, что эти факты явно перекликаются с росписью башен Софии, поскольку фрески не только свидетельствуют о именно таком количестве послов, но и дают представление об оказанной им чести и даже о времени посещения ими столицы Византии. Дело в том, что на столбе южной башни сохранились фрагменты изображения святочного дворцового пира, включавшего в себя архаичный новогодний обряд коляд, происходивший в императорском дворце в ночь на 2 января (рис. 6–7)³³. Значит, события, иллюстрируемые фресками, имели место в самом начале января, на Святки. Это время отвечает хронологии переговоров между Василием II и Владимиром, которые, по мнению исследователей, опирающихся на свидетельство Яхьи, шли в конце 987 – начале 988 гг.³⁴

О русско-византийских переговорах, проходивших в чрезвычайно сложных зимних условиях, рассказывает “Записка греческого топарха” (конец X века)³⁵. Ученые по-разному датируют описанные топархом события, но наиболее вероятной представляется датировка, предложенная М. Брайчевским, отталкивающимся от астрономических указаний в “Записке”: декабрь 986 – январь 987 гг.³⁶ Но упоминание топарха, что в то время “Кронос (Сатурн) находился в началах Водолея, когда солнце

³² См.: Голубинский Е. История русской церкви. М., 1901, т. 1, ч. 1, с. 247–250; Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 79–80.

³³ Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха // СОРЯС, 1883, т. 32, № 4, с. 108–109; Айналов Д., Редин Е. Указ. соч., с. 112.

³⁴ Завитневич В.З. Владимир Святой как политический деятель // Владимирский сборник в память девяностолетия крещения Руси. К., 1888, с. 153; Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. М., 1908, вып. 3, с. 85; Грушевский М. Вказ. праця, с. 364; Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913, с. 34; Острогорский Г.А. Владимир Святой и Византия // Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси. Белград, 1938, с. 39; Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945, с. 326; Левченко М.В. Указ. соч., с. 364; Литаврин Г.Г. Византия и Русь в IX–X вв. // История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1967, т. 2, с. 235–236.

³⁵ Васильевский В.Г. Записка греческого топарха // Васильевский В.Г. Труды. СПб., 1909, т. 2, вып. 1, с. 146–189; Литаврин Г.Г. “Записка греческого топарха” (Документ о русско-византийских отношениях в конце X века) // Из истории средневековой Европы (X–XVII вв.) / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1957, с. 114–130. Речь идет о путевых заметках высокопоставленного византийского чиновника (топарха), который в конце X в. с отрядом воинов проезжал низовьем Дуная и переправлялся через замерзающий в период ледостава Днепр, направляясь через вражеские земли к могущественному северному правителю, с которым ему было поручено заключить соглашение.

³⁶ Брайчевский М.Ю. Утверждения христианства на Руси. К., 1988, с. 151.

проходило по зимнему (местонахождению)” может относиться и к декабрю 987 – началу января 988 гг.³⁷ Это подтверждается фресками, свидетельствующими, что сваты Владимира прибыли в Константинополь в канун Рождества 987/8 гг.

Рис. 6. Коляды. Фреска южной башни в зарисовке Ф.Г. Солнцева (сер. XIX в.)

Рис. 7. Колядник. Фреска южной башни, деталь

³⁷ Нужно отметить, что расчеты Брайчевского, как и других исследователей, являются до определенной степени приблизительными, поэтому предложенная нами хронологическая коррекция вполне возможна.

Таким образом, посольство Владимира попало и на новогодние празднования (Календы), и на именины Василия II, отмечавшиеся 1 января. В этот день, по древней традиции, происходили бега и представления на ипподроме, что нашло отражение на известных консульских диптихах³⁸.

Летописная запись, упоминая «пенья и службы архиерейския, престоаянъ дьяконъ»³⁹ в Константинопольской Софии в присутствии там русских послов, позволила Д. Айналову прийти к выводу, что «послы Владимира были приведены в церковь св. Софии в большой праздник»⁴⁰. Вероятно, это был великий праздник Рождества, либо Обрезания Господня. Второй праздник предпочтительнее, поскольку он соединялся с памятью св. Василия Великого – патрона императора и приходился на именины Василия II. Такое событие имело большое значение для Руси, поскольку праздник Обрезания Господня символизировал присоединение к народу избранному, вхождение Руси в христианский мир.

Дату приема посольства Владимира на ипподроме – 1 января фиксирует и фреска на столбе южной башни, иллюстрирующая святочные коляды. Изображена процессия колядников, которая входит в царский зал, неся для поздравления императора свиную голову и окорок. Чтобы отделить этот повсеместный языческий обряд от церковных торжеств, императоры, в отличие от простолюдинов, отмечали во дворце коляды не в ночь на 1 января, а в ночь на 2 января; тогда же устраивались и так называемые «готские игры»⁴¹.

Сцена «готских игр», известная в литературе еще с XIX в. как «борьба ряженных», размещена на стене нижней лестничной площадки северной башни (рис. 8). Здесь иллюстрирован ритуальный брачный поединок двух воинов-«готов» (берсерков), представителей князя-жениха, один из которых выступает в звериной (волчьей либо медвежьей) маске и меховой шкуре, наброшенной на голое раскрашенное тело⁴².

Переплетение в росписи башен брачных и святочных мотивов вовсе не случайно, ибо и у славян, и у византийцев, и у других народов, браки издревле заключались на Святки⁴³. В целом, фрески обеих башен содержат в себе важные датирующие моменты, подтверждающие вывод исследователей о русско-византийских переговорах в конце 987 – самом начале 988 гг.

³⁸ См.: *Безобразов П.В.* Очерки византийской культуры. Петроград, 1919, с. 144; *Лихачева В.* Искусство Византии IV–XV веков. Л., 1981, с. 26.

³⁹ ПСРЛ. Т.1., стлб. 107.

⁴⁰ *Айналов Д.В.* Указ. соч., с. 176.

⁴¹ См.: *Литаврин Г.Г.* Как жили византийцы. Спб., 1997, с. 227–229.

⁴² *Никитенко Н.* Фрески «Ритуальное убийство медведицы»..., с. 301–325.

⁴³ *Сумцов Н.Ф.* Указ. соч., с. 61–64, 105, 115 и др.; *Зайковская Т.В.* Указ. соч., с. 1264.

Рис. 8. Готские игры. Фреска северной башни

Фрески северной башни свидетельствуют, что 1 января 988 г. состоялась и коронация принцессы Анны как невесты киевского князя Владимира⁴⁴. Здесь, на стене верхней лестничной площадки, изображена большая церемониальная сцена коронационного выхода византийской царицы. Действие разворачивается на открытой террасе, примыкающей к комплексу смежных дворцовых сооружений, из которых ведет выход на террасу. Здесь изображен Трибунал ареи, где перед народом происходит коронационный выход молодой царицы в сопровождении зосты (опоясанной патрикианки) и в присутствии восседающего на троне василевса с двумя телохранителями. Расположенная на высоте дворцовых залов терраса служила трибуной для церемониальных актов, а внизу, на площади, происходили парады гвардейцев и представителей народа. Причем фреска зафиксировала наиболее торжественный момент – провозглашение ромеями вновь коронованной царицы, о чем свидетельствуют церемониальные жесты ее свиты, сопровождающей такие

⁴⁴ Коронации царских лиц, как правило, происходили в большие праздники (“дни облачений”) – на Рождество, Крещение, Пасху и т.д., поскольку эта церемония носила ярко выраженный сакральный характер. См.: *Беляев Д.Ф.* Указ. соч., с. 34, 37 и т.д. Например, на Обрезание Господне, 1 января 1068 г., короновали императора Романа Диогена. См.: *Михаил Пселл.* Хронография / Пер., статья и примеч. Я.Н. Любарского. М., 1978, с. 296.

провозглашения (аккламации) воздеванием руки. Подобное провозглашение еще с римских времен считалось необходимой конституционной процедурой утверждения легитимности власти коронованного лица⁴⁵. Жесты императора и зосты, указывающих на царицу, выделяют ее как героиню священной церемонии. Венчание царицы, равно как и царя, было церковным таинством, она становилась избранницей Бога, что фиксирует наиболее выразительный церемониальный жест коронованной царицы – молитвенно раскрытые у груди руки.

Царица получала инсигнии высшей власти во время обручения (помолвки) с василевсом или кесарем – мы и видим на голове коронованной женщины надетый под корону и спущенный на лоб тонкий белый мафорий (фату), упоминаемый в описаниях свадебного наряда византийских цариц⁴⁶. То есть здесь перед зрителем предстает царственная невеста. Судя по отсутствию нимба, являющегося императорским иконографическим признаком, на фреске изображена не императрица, а невеста кесаря – этот царский титул, в отличие от императорского, не считался божественным и даровался иноземным правителям при их женитьбе на византийских царевнах. По нашему убеждению, в северной башне показан коронационный выход кесариссы Анны (рис. 9), удостоенной царского титула во время ее обручения с Владимиром, получившим от Василия II кесарские инсигнии. Отметим несомненное сходство образов Анны на фреске башни и на княжеском портрете (рис. 10), на котором княгиня предстает уже в зрелом возрасте. Как и надлежит, император Василий восседает перед подданными на троне, а его юные племянницы принцессы Зоя, Феодора и Евдокия, дочери второго брата Анны – Константина VIII, составляют свиту Анны – царской невесты.

Такой титул, например, получили в XII в. короли нормандской Сицилии Рожер II и Вильгельм II, женившиеся на византийских царевнах; несколько позже кесарский чин получил венгерский принц Бела-Алексей, также женившийся на византийской принцессе, дочери Мануила Комнина⁴⁷. Но особо весомым для нас представляется то, что в истории Македонской династии был прецедент коронации порфирородной принцессы, обрученной с иноземным правителем. Так, в 901 г. женой

⁴⁵ История Византии: в 3-х т. / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1967, т. 1, с. 133.

⁴⁶ См.: Кондаков Н.П. Указ. соч., с. 293–294.

⁴⁷ См.: Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов // Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1859, с. 38–39, 97–101; Левченко М.В. Указ. соч., с. 365–367; Удальцова З.В. Дипломатия // Культура Византии: вторая половина VII–XII в. М., 1989, с. 273–274.

германского императора Людовика III Слепого, одного из последних Каролингов, стала дочь Льва VI Мудрого Анна, коронованная отцом как невеста западного императора⁴⁸.

Рис. 9. Анна со свитой. Фреска северной башни “Коронационный выход Анны”, деталь. Зарисовка Ф.Г. Солнцева (сер. XIX в.)

Рис. 10. Анна на княжеском портрете и на фреске башни

⁴⁸ См.: Диль Ш. Византийские портреты. Харьков, 1909, с. 137; История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1967, т. 2, с. 194.

М. Грушевский, а вслед за ним – М. Левченко, считают правдоподобным, что Владимир вместе с рукой порфирородной царевны получил корону кесаря, о чем свидетельствуют его монеты, на которых он фигурирует в соответствующем убранстве (рис. 11)⁴⁹. Титул кесаря был вторым после василевса в придворной властной иерархии; его получал сын либо зять императора, причем у зятя в венце было не четыре, как у сына василевса, а лишь одна арочка (киотец) спереди⁵⁰. Именно такой венец у Владимира на его монетах. Недаром кесарские геральдические знаки – грифоны изображены на сводах башен, а царский геральдический орел фигурирует на шиферной плите парапета хор как раз над княжеским портретом (рис. 12).

Рис. 11. Изображение Владимира на монете (конец X в.)

Французский византинист и рустист Ж.-П. Ариньон доказывает, что после брака Владимира и Анны, киевские Рюриковичи, включившись в систему ритуального родства с василевсами, получили легитимное право царствовать (*jus regnandi*) и даже право наследовать императорскую власть, поскольку стали сонаследниками византийского трона по женской линии⁵¹. Это наводит на мысль, что фрески башен не просто иллюстрируют события, прославляющие их заказчика, но и подтверждают легитимное наследственное “право царствовать” киевских Рюриковичей, полученное основателями христианской Киевской державы при их обручении.

Естественно, возникает вопрос: а мог ли Владимир обручиться с Анной в Константинополе, о посещении которого князем источники ничего не сообщают? Впрочем, такого визита вовсе и не требовалось, поскольку в средние века при женитьбе правителя на иностранке обручение могло происходить заочно, когда владетельного жениха заменял его двойник (фактотум)⁵². Вероятно, этим фактотумом Владимира был глава

⁴⁹ См.: Грушевський М. Вказ. праця, с. 507, 509; Левченко М.В. Указ. соч., с. 365–367.

⁵⁰ См.: Поляковская М.А. Указ. соч., с. 159.

⁵¹ Ариньон Ж.-П. Дипломатичні зв'язки між Візантією та Руссю з 860 по 1043 рр. // Хроніка – 2000: Український культурологічний альманах, 1995, вип. 2–3, с. 29–41.

⁵² См.: Барсов Н.И. Обручение // Энциклопедический словарь / Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1897, т. 21а (42), с. 580–581; Козаченко А.И. К истории великорусского свадебного обряда // СЭ, 1957, № 1, с. 61–62. Можно вспомнить и такой хорошо известный случай, как женитьба Ивана III на византийской царевне Софии Палеолог. 1 июня 1472 г. в Риме состоялось заочное обручение Ивана III и царевны Софии, причем роль великого князя исполнял его посол Иван Фрязин, сватавший своему господину невесту.

русского посольства, который изображен в императорской ложе ипподрома рядом с Василием II. Как было принято у византийцев, князь, видимо, получил царские регалии во время пребывания византийской миссии в Киеве.

Рис. 12. Геральдический орел на шиферной плите парапета хор

Характерно, что в эпических сказаниях о женитьбе Владимира настойчиво звучит мотив замены князя его двойником во время сватовства к “Анне Прекрасной”, “сильно могучей королеве”, “прекрасной дочери Философа царя”⁵³. Нельзя воспринимать это чистой выдумкой, ибо эпос зафиксировал реальные обстоятельства женитьбы князя, обусловленные тогдашними обычаями, которые мы нередко воспринимаем как сказочные⁵⁴.

Факт обручения Владимира с Анной в самом начале 988 г. подтверждают древние французские источники, отразившие предпринятую в то же время неудачную попытку короля Франции Гуго Капета – основателя династии Капетингов – женить на принцессе Анне своего сына Роберта. В письме, написанном в январе 988 г. Василию II, Гуго просил руку “дочери Священной империи” для своего сына Роберта, который был недавно коронован (на Рождество 987 г.). Ответ на свое письмо Гуго не получил, а 1 апреля 988 г. Роберт уже женился на вдове Арнульфа II Фландрского Сусанне⁵⁵. Скорее всего, это объясняется тем, что императоры, получив письмо после помолвки Владимира с Анной, оставили его без ответа, а во Франции, узнав об этом событии, вынуждены были

⁵³ Соколов Б. Эпические сказания о женитьбе князя Владимира // Ученые записки Саратовского университета. Саратов, 1923, т. 1, вып. 3: Словесно-историческое отделение педагогического факультета, с. 71–79.

⁵⁴ Историзм былинного эпоса, в основе которого лежат знаковые, памятные события, хорошо показал в своей монографии С. Азбелев. См.: Азбелев С.Е. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.

⁵⁵ Бубнов Н. Сборник писем Герберта как исторический источник: 983–997. СПб., 1890, с. 492–498.

отказаться от запланированного Капетингами чрезвычайно престижного для них династического союза.

О том, что помолвка Владимира и Анны имела место задолго до их свадьбы, свидетельствует Яхья, называющий помолвку “договором о свойстве”, при заключении которой князь “женился” на принцессе, она же вместе со священнослужителями была послана к нему “впоследствии”. А уже когда было решено дело о браке, “прибыли войска русов”⁵⁶. Иногда в таком изложении событий усматривают путаницу, аттестуя текст Яхьи как “сумбурный”, “противоречивый”, “хаотичный”⁵⁷. На самом деле, Яхья четко подает события в той последовательности, в которой они произошли. В частности, свидетельство Яхьи о женитьбе Владимира на Анне до ее прибытия в Корсунь подтверждают византийские авторы Скилица и Зонара, указывающие, что Василий II успел женить Владимира на Анне до битвы при Хрисополе, имевшей место летом 988 г., тогда как Анна прибыла в Корсунь после взятия его Владимиром, т. е. не ранее 7 апреля 989 г.⁵⁸ Понятно, почему в источниках речь идет не просто о помолвке как прелюдии брака, а о свершившемся браке: в средневековье христианская Церковь считала брак заключенным уже с момента помолвки⁵⁹. Все это лишний раз говорит о том, насколько важен комплексный подход к проблеме, учитывающий все ее аспекты, в том числе касающиеся разных отраслей знания.

Факт помолвки Владимира и Анны в начале 988 г. проливает свет на сложную проблему личного обращения князя. Относительно этого в древнерусской литературе существуют две позиции: если “Повесть временных лет” называет местом и временем крещения князя Корсунь, 988 г., то Нестор-агиограф в “Чтении” о Борисе и Глебе и автор “Памяти и похвалы князю русскому Владимиру” Иаков Мних свидетельствуют о крещении князя в 987 г. Так, Иаков говорит, что Владимир, умерший в 1015 г., прожил после крещения 28 лет, а Нестор прямо указывает дату его крещения – “в лето 6495-е от сотворения мира”, т.е. в 987 г.⁶⁰

⁵⁶ См.: Розен В.Р. Указ. соч., с. 23–24.

⁵⁷ См.: Рапов О.М. О дате принятия христианства князем Владимиром и киевлянами // ВИ, 1984, № 6, с. 40.

⁵⁸ См.: Васильевский В.Г. К истории 976–986 гг. // Васильевский В.Г. Труды. СПб., 1909, т. 2, вып. 1, с. 100; Розен В.Р. Указ. соч., с. 215; Левченко М.В. Указ. соч., с. 360.

⁵⁹ Литвиц Е.Э. Законодательство и юриспруденция в Византии в IX–XI вв. М., 1981, с. 92; Суворов Н.С. Заключение брака в Западной Европе в средние века // Юридический вестник. М., 1888, т. 3, кн. 1, с. 12–13.

⁶⁰ Зимин А.А. Память и Похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института славяноведения, 1963, № 37, с. 74;

Бытование разных версий уже с древности отразила “Повесть временных лет”, которая после рассказа о крещении Владимира в Корсуни добавляет: “Се же не сведуще право, глаголють, яко крестился есть в Киеве, инии же реша: в Василеве, друзии же инако скажутъ”⁶¹.

Противоречивые свидетельства источников стали причиной острой научной дискуссии относительно времени и места крещения Владимира. Одни ученые отдают предпочтение отечественным источникам, другие – иностранным. По нашему мнению, наиболее объективно и точно воссоздает историческую канву событий Яхья Антиохийский. Если поставить события в том же хронологическом порядке, в каком они изложены у Яхьи, получаем следующую картину. Когда Владимир обязался креститься и женился на Анне, на Руси господствовало язычество. Лишь через некоторое время после заключения “договора о свойстве” Василий II отослал к Владимиру свою сестру со священнослужителями, окрестившими князя и его народ. Переводчик и тонкий исследователь хроники Яхьи В. Розен обращает особое внимание на то, что “по свидетельству источника Яхьи крещение происходило значительно позже заключения договора”⁶². Таким образом, арабский хронист фактически подтверждает корсунскую версию летописи.

Современник Владимира немецкий хронист Титмар Мерзебургский также свидетельствует в пользу летописной версии крещения князя в Корсуни, когда говорит, что Владимир принял святую христианскую веру по настоянию греческой царевны⁶³. Свидетельство Титмара перекликается с рассказом летописи о корсунских событиях после приезда туда Анны.

Означает ли это, что факт крещения князя в 987 г. не отвечает действительности и что Владимир обручился с Анной, будучи еще язычником? Здесь опять-таки следует учитывать средневековую ментальность, нормы, обычаи и обрядность, вне всякого сомнения, отразившиеся на ходе событий.

Известно, что на Руси следовали византийской церковной практике, согласно которой взрослого крестили не иначе как после научения его вере, т.е. оглашения, после которого должно было миновать определенное время (от 40 дней до 3 лет) до принятия неопитом таинства крещения. В древности существовал отдельный обряд оглашения (принятия

Чтение о житии и погублении блаженую страстотерпца Бориса и Глеба // Памятники древнерусской литературы. Петроград, 1916, вып. 2, с. 4.

⁶¹ ПСРЛ. Т.1., стлб. 116.

⁶² Розен В.Р. Указ. соч., с. 197.

⁶³ См.: Титмар Мерзебургский. Хроника. В 8 кн. / Пер. с лат. И.В. Дьяконова. М., 2005. Кн. VII, 72, с. 162.

в катехуменат), прохождение которого превращало неопита в христианина, он получал новое имя и принадлежал к категории некрещенных христиан⁶⁴.

Мысль о предварительном крещении без принятия таинства (т.е. оглашении) Владимира была впервые высказана И. Малышевским и позже повторена многими учеными⁶⁵. В новейшей литературе эта весьма конструктивная идея аргументирована Ж.-П. Ариньоном⁶⁶, а также известным знатоком византийской литургики М. Арранцем, доказавшим, что крещение Владимира в два этапа целиком согласуется с каноном греческого Евхология и византийскими литургическими текстами⁶⁷. В этой связи Марьяна Никитенко впервые выдвинула и обосновала гипотезу, что “Повесть временных лет” отразила в своем составе древнейший оригинальный документ, зафиксировавший акт оглашения Владимира (его катехизму). Имеется ввиду обращенная к Владимиру “Речь философа”, которая читается в летописи под 987 г.⁶⁸

Исследователи полагают, что оглашение как предварительное крещение Владимира имело место во время пребывания византийской миссии в Киеве, а принятие таинства – после взятия князем Корсуня. Такой ход событий как можно лучше отвечал той ситуации и целиком устраивал Владимира, желавшего говорить с императором “на равных”, что было возможным лишь после женитьбы князя на порфирородной принцессе. Сама же женитьба становилась возможной лишь после крещения Владимира, на чем настаивал император.

⁶⁴ См.: *Долоцкий В.И.* Чин оглашения в древней христианской церкви // Христианское чтение. СПб., 1849, ч. 1, с. 416–470; *Амвросий.* Таинство святого крещения по чину православной церкви // Странник, 1864, т. 1 (январь), с. 1–50; *Поснов М.Э.* История Христианской Церкви (до разделения Церквей – 1054 г.). Брюссель, 1964, с. 496–498.

⁶⁵ *Малышевский И.* Рецензия на книгу Е. Голубинского “История русской церкви” // Отчет о двадцать четвертом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1882, с. 50–51. См. также: *Шмурло Е.* Когда и где крестился Владимир Святой // ЗРАОП, 1927, кн. 1, с. 140–148; *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe (500–1453). London, 1971, p. 195.

⁶⁶ *Ариньон Ж.-П.* Вказ. праця, с. 29–41.

⁶⁷ *Арранц М.* Чин оглашения и крещения в Древней Руси // Символ. Париж, 1988, т. 19, с. 69–100.

⁶⁸ См.: *Никитенко М.* На зорі християнського Києва / Лаврський альманах, вип. 10, спецвипуск 4. К., 2003, с. 7–28. Исследовательница доказывает, что протографом “Речи Философа” послужило огласительное слово (катехизма) Владимира, составленное на основе разработанного при патриархе Фотии специального текста, предназначенного для князя-неопита, поскольку катехизмы бытовали в письменном виде уже с первых времен христианства. В IX в. этот документ был применен в Великоморавии и в Болгарии, а в конце X – на Руси. При составлении летописного свода 997/998 гг. катехизма Владимира была включена в него в соответственно отредактированном виде, т.е. “Речь философа” фактически является ее парафразой.

Стало быть, двухэтапное крещение отвечало двухэтапной женитьбе, что устраивало обе стороны, которые сошлись на таком оптимальном варианте, не нарушавшем христианские каноны: Владимир оглашается (присоединяется к христианской общности) – Василий устраивает ему помолвку с Анной; Владимир оказывает Василию военную помощь – Василий отправляет к Владимиру Анну; Владимир принимает таинство крещения и таинство брака с Анной. Иное, обычно реконструируемое историками, течение событий: Владимир крестится, посылает Василию вспомогательный военный корпус и лишь после того получает принцессу – отводит князю, по выражению А. Бертье-Делагарда, “роль обманутого простачка, с чем весьма трудно примириться”⁶⁹.

Таким образом, зафиксированная фресками Софии помолвка Владимира и Анны в Константинополе в январские Календы, т.е. в самом начале января 988 г. – важное свидетельство того, что в то время Владимир уже не был язычником, ибо обручился с порфирородной принцессой. Это говорит в пользу вывода о двухэтапном крещении и женитьбе князя: оглашении в Киеве (или Василеве), предшествовавшем помолвке в Константинополе и принятии таинства крещения и брака в Корсуни. В свою очередь, это устанавливает тот факт, что обе версии личного крещения Владимира, содержащиеся в источниках – киевская и корсунская – являются достоверными: первая отражает акт оглашения князя в Киеве (или Василеве), вторая – его окончательное крещение в Корсуни.

Можем сделать вывод, что после предварительного крещения на рубеже 987/988 гг. (точнее – 1 января 988 г.) Владимир во время помолвки вместе с рукой Анны получил титул кесаря и соответствующие царские регалии. События, по всей вероятности, по договоренности сторон, происходили практически одновременно в Киеве и Константинополе, что отвечало византийской дипломатической практике. Уже само христианское имя Владимира (Василий) свидетельствует, что он был оглашен в день памяти св. Василия Великого, т.е. 1 января, когда отмечались именины императора. Наименование Владимира Василием отвечало и византийским церемониально-дипломатическим нормам получения князем-неофитом имени своего крестного отца – императора Василия II.

Предварительное крещение (оглашение) Владимира 1 января 988 г. подтверждает кодекс (хроника) XIV в., хранящийся в библиотеке Ватикана и принадлежавший киевскому митрополиту кардиналу Исидору, участнику Ферраро-Флорентийского собора. Среди заметок находится

⁶⁹ См.: *Бертье-Делагард А.* Как Владимир осаждал Корсунь // ИОРЯС, 1909, т. 14, кн. 1, с. 285.

следующее указание: “В году 6496 был крещен Владимир, который крестил Росию”⁷⁰. Нужно учесть два обстоятельства: 1. Речь идет о крещении Владимира (а не Руси, как обычно думают). 2. Византийский (и церковный) год начинался 1 сентября, т.е. указанный год крещения Владимира (988) приходится на сентябрь 987 – август 988 г., т.е. укладывается в предложенную нами хронологию событий.

В результате помолвки обе стороны связали друг друга нерушимыми условиями: брак считался заключенным, но Анна должна была прибыть к Владимиру лишь после получения Василием военной помощи. Владимир был публично провозглашен кесарем, но этот титул, дававшийся ближайшим родственникам императора, становился действительным лишь после свадьбы князя и вхождения его в императорское семейство.

Другое дело, что Василий II предпринял попытку нарушить эти условия, и Владимиру пришлось силой оружия заставить императора выполнить их. В период между 7 апреля и 27 июля 989 г. Владимир взял Корсунь, после чего императоры незамедлительно отправили к нему свою сестру⁷¹. Владимир взял Корсунь, вероятнее всего, вскоре после окончательного разгрома Василием II мятежников под Авидосом (13 апреля 989 г.). Взятие князем крымской твердыни империи, по нашему мнению, могло произойти в конце апреля – начале мая 989 г.⁷² Видимо, где-то в начале мая здесь состоялась свадьба Владимира и Анны, перед которой князь принял таинство крещения, и точная дата этого события, по нашему мнению, тоже может быть определена.

Полагаем, что для этого стоит обратить внимание на тот факт, что оба главных храма Руси, рожденных эпохой крещения – Десятинная церковь и София Киевская – были освящены практически в один день: Десятинная церковь – 12 мая, София – 11 мая. 12 мая значит как день освящения Десятинной церкви в Месяцеслове XIII в., и это – первый праздник собственно Русской Церкви. Немаловажно, что освящение Десятинной церкви упоминается также под 11 мая в Прологе XIII–XIV вв., где это событие связывается с днем основания Константинополя: “Месяца мая в 11 память бытию святого и богохранимого Костянтина града” и далее: “В тот же день освящение церкви святыя Богородица, иже създа благоверный князь Василей, зовомый Володимир I”⁷³.

⁷⁰ См.: Бибииков М.В. Указ. соч., с. 108–109.

⁷¹ Левченко М.В. Указ. соч., с. 360–362.

⁷² См.: Никитенко Н.Н. Русь и Византия..., с. 137–138.

⁷³ См.: Макарий. История русской церкви. Т. 1. СПб., 1857, с. 57.

Безусловно, 11 мая как день основания Константинополя имел большое значение для новорожденной Русской Церкви. Однако совпадение освящения ее двух главных храмов свидетельствует не только об универсальном, но также о сверхважном местном контексте этого праздника, который выпал на 11–12 мая и, судя по всему, был двухдневным, как и полагалось при освящении больших храмов. По нашему предположению, этот праздник отмечал наиболее памятное событие для Руси – вступление ее в лоно христианских государств, которое по представлениям того времени, связывалось с личным обращением Владимира. Так, по крайней мере, подает обращение Руси летописная концепция. То есть не день крещения киевлян, дату которого столь настойчиво ищут историки, а день крещения Владимира и его дружины должен был восприниматься в Древней Руси как день ее крещения.

Ввиду того, что таинство крещения издавна происходило в ночь с субботы на воскресенье, когда воскрес Христос (литургический день начинается с вечера), можно думать, что Владимир и его дружина (“вся Русь”) крестились в ночь с 11 на 12 мая 989 г., которые в тот год выпали на субботу и воскресенье.

В древности обычно крестили в вечерню Великой Субботы. Но, поскольку в 989 г. Пасха выпала на 31 марта, когда Корсунь еще не был взят, крещение князя имело место лишь после взятия города, в начале второй декады мая, а именно – в ночь с субботы 11 на воскресенье 12 мая. Причем это событие было приурочено ко дню основания (освящения) Константинополя – Нового Иерусалима христианского мира, ибо Церковь мыслится Новым Иерусалимом как образ Царства Небесного.

Поскольку в православной христологии каждое воскресенье адекватно Пасхе в утверждении истины Воскресения, суббота/воскресенье 11/12 мая 989 г. ситуационно и канонично лучше всего отвечали историческим обстоятельствам крещения Владимира. И вовсе не случайно мозаика “Святительский чин” в главном алтаре Софии Киевской начинается образами св. Епифания Кипрского, память которого празднуется 12 мая, и Климента Римского, мощи которого Владимир принес из Корсуни, положил в Десятинной церкви, и они освятили собой и деяние равноапостольного князя, и новую Русь.

Итак, на основании введения в исследование проблемы крещения Руси нового источника – данных Софии Киевской можно предложить следующую гипотетическую картину хода событий.

В конце 987 г. в результате мятежа Варды Фоки положение правящей в Византии династии оказалось безвыходным. Император Василий II обратился за помощью к киевскому князю Владимиру, а тот выставил встречное условие – отдать за него сестру императора принцессу Анну. На рубеже 987/988 гг. в Киеве и Константинополе состоялись параллельные русско-византийские переговоры, в результате которых был заключен “договор о свойстве”. В соответствии с ним, в Киеве 1 января 988 г., в день св. Василия, Владимир был оглашен и получил титул кесаря и царские регалии из рук византийской миссии. В тот же день, в Константинополе, состоялась заочная помолвка Владимира и Анны с привлечением фактотума князя. Она включала торжественный прием посольства Владимира на ипподроме и в царском дворце, а также брачную коронацию Анны. Выполняя условия договора, Владимир прислал Василию II вспомогательный воинский корпус для подавления мятежа Варды Фоки. Корпус принял участие в разгроме мятежника под Хрисополем (лето 988 г.) и Авидосом (13 апреля 989 г.). В конце апреля – самом начале мая 989 г. Владимир взял Корсунь, чтобы заставить Василия выполнить договор, после чего император незамедлительно прислал сюда Анну. В ночь с субботы 11 на воскресенье 12 мая 989 г. князь и его дружина (“вся Русь”) приняли таинство крещения, после чего состоялось церковное венчание Владимира и Анны. Поскольку дата 11/12 мая рассматривалась в Древней Руси как день ее крещения, постольку именно к ней приурочили освящение Десятинной церкви и Софии Киевской.